
DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.02.07

УДК 327+94

НАВИГАЦИЯ ПО ИДЕАЛАМ И РЕАЛЬНОСТИ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИДЕОЛОГИИ И ПРАГМАТИЗМА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ИРАНА ПОСЛЕ 1979 Г.

РАНДЖБАР Мешкин Даниал

аспирант, ассистент кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы.

E-mail: randzhbar-meshkin-d@rudn.ru

SPIN-код: 5294-1502

ORCID: 0000-0002-1619-3383

Для цитирования: Ранджбар М.Д. Навигация по идеалам и реальности: взаимодействие идеологии и прагматизма во внешней политике Ирана после 1979 г. // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 2 (6). – С. 121–142. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.02.07.

Аннотация. В статье исследуется внешняя политика Ирана с 1979 г., подчеркивается взаимодействие в ней идеологии и прагматизма. Рассматривается подход Ирана к решению проблем международной изоляции, экономических санкций и развития его стратегического партнерства с незападными странами, такими как Россия и Китай. В исследовании также подчеркивается растущее влияние Ирана на Ближнем Востоке за счет использования марионеточных сил и дипломатических союзов. В работе тщательно анализируются изменения в политике Ирана при различных администрациях, каждая из которых уникальным образом сочетает в себе идеологический пыл с практической дипломатией. Методика исследования включает обширный обзор исторических документов, заявлений правительства и научной литературы. Целью исследования является представление всестороннего понимания эволюции внешней политики Ирана, демонстрация того, как в ней переплетаются идеологические позиции с прагматическими соображениями. Главный вывод заключается в сложности стратегии внешней политики Ирана, демонстрирующей, как страна может эффективно сочетать идеологические убеждения с прагматическими потребностями. Эта смесь отражает более широкие тенденции в глобальном государственном управлении и дина-

мичный характер международной политики, позволяя лучше понять сложности современной дипломатии.

Ключевые слова: Иран, внешняя политика, идеология, pragmatism, изоляция, незападные страны, международные отношения.

Navigating Ideals and Realities: Interplay of Ideology and Pragmatism in Iran's Foreign Policy Post-1979

Daniyal M. RANJBAR

Postgraduate Student, Assistant Department Theory and History of International Relations, RUDN University.

E-mail: randzhbar-meshkin-d@rudn.ru

SPIN-code: 5294-1502

ORCID: 0000-0002-1619-3383

For citation: Ranjbar M.D. (2024). Navigating Ideals and Realities: Interplay of Ideology and Pragmatism in Iran's Foreign Policy Post-1979. *Middle & Post-Soviet East*, no. 2(6), pp. 121–142. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.07.

Abstract. The article investigates Iran's foreign policy since 1979, emphasizing the interplay of ideology and pragmatism. It examines Iran's approach to dealing with international isolation, economic sanctions, and its strategic partnerships with Non-Western countries like Russia and China. The study also highlights Iran's growing influence in the Middle East through the use of proxy forces and diplomatic alliances. It thoroughly analyzes Iran's policy shifts across different administrations, each uniquely blending ideological fervor with practical diplomacy. The methodology includes an extensive review of historical documents, government statements, and scholarly literature. The research aims to offer a comprehensive understanding of the evolution of Iran's foreign policy, showcasing how it intertwines ideological stances with pragmatic considerations. The main conclusion drawn is the sophistication of Iran's international relations strategy, demonstrating how a country can effectively merge ideological beliefs with pragmatic needs. This blend reflects the broader trends in global statecraft and the dynamic nature of international politics, providing insights into the complexities of modern diplomacy.

Keywords: Iran, foreign policy, ideology, pragmatism, isolation, Non-Western countries, international relations.

После Исламской революции 1979 г. внешняя политика Ирана претерпела значительные изменения, что ознаменовало отход от прозападного подхода эпохи Пехлеви. Этот период ха-

рактеризовался уникальным сочетанием идеологического рвения и прагматической дипломатии, позволяющей ориентироваться в сложных международных условиях.

В первые годы после революции Иран боролся с дипломатической изоляцией и экономическими проблемами, в первую очередь из-за санкций США после кризиса с заложниками¹. Несмотря на разрыв связей с Западом, внешняя политика Ирана в то время была не просто реакционной.

Вместо этого она представляла собой продуманное сочетание поддержки революционных ценностей и прагматичного поиска альянсов с незападными державами, такими как Китай, Советский Союз и симпатизирующими странами Ближнего Востока. Ирано-иракская война еще больше осложнила внешнюю политику Ирана, подтолкнув его к более прагматичному подходу.

Несмотря на санкции и военные проблемы, поддерживаемые Западом, руководство Ирана умело преодолевало эти препятствия, сохраняя свою идеологическую позицию против западного империализма, одновременно прагматично приобретая товары первой необходимости и вооружение у незападных союзников.

После войны во внешней политике Ирана происходили постепенные изменения при разных администрациях². Каждый президент, от Рафсанджани до Ахмадинежада, привнес уникальное сочетание идеологии и прагматизма. Срок полномочий Рафсанджани ознаменовал период восстановления и осторожного открытия для международного сообщества.

Эпоха Хатами характеризовалась инициативой «Диалог между цивилизациями», свидетельствующей о более мягкому дипломатическом подходе, в то время как президентство Ахмадинежада стало свидетелем возвращения к более жесткой, идеологически мотивированной внешней политике.

На протяжении всех этих периодов дипломатическая стратегия Ирана формировалась на основе сочетания сопротивления предполагаемой гегемонии Запада и практических соображений

¹ Bostdorff D.M. Idealism held hostage: Jimmy Carter's rhetoric on the crisis in Iran // Communication studies. – 1992. – Vol. 43, № 1. – P. 14–28.

² Milani M.M. Iran's Post-Cold War policy in the Persian Gulf // International journal. – 1994. – Vol. 49, № 2. – P. 328–354.

национальных интересов. Это динамичное взаимодействие между идеологическими обязательствами и прагматическими потребностями определило уникальное положение Ирана в международных отношениях.

Методика исследования, принятая в данной статье, предполагает комплексный анализ исторических документов, официальных заявлений и научных источников. Цель состоит в том, чтобы провести углубленное исследование эволюции внешней политики Ирана после 1979 г. с учетом взаимодействия идеологических и прагматических факторов. Задача заключается в том, чтобы ориентироваться в сложном geopolитическом ландшафте и меняющемся характере международных отношений, что требует тонкого понимания исторического контекста и современной динамики.

Эта статья предлагает сбалансированную точку зрения, признавая присущие предвзятости и ограничения имеющихся данных. Разнообразные источники, включая академические журналы, правительственные отчеты и международные новостные статьи, способствуют многогранному взгляду на внешнюю политику Ирана. Углубляясь в последующие разделы этой статьи, мы рассмотрим конкретные примеры внешней политики Ирана, проанализировав, как стране удалось сохранить свои идеологические ценности, одновременно адаптируясь к прагматическим требованиям международной политики. Это исследование проливает свет на сложности и нюансы дипломатического пути Ирана в постоянно меняющемся глобальном контексте.

После революции 1979 г. внешняя политика Ирана претерпела глубокие изменения. Первые годы были отмечены ирано-иракской войной, которая не только проверила устойчивость Ирана, но и заставила его искать новые союзы и утверждать свою независимость на мировой арене. В эту эпоху Иран лавировал в сложной паутине санкций и дипломатической изоляции, в первую очередь от западных держав.

Этот период стал примером приверженности Ирана революционным ценностям и способности адаптироваться к решению международных проблем. Способность страны сохранять свою идеологическую позицию при создании стратегических региональных альянсов была свидетельством ее дипломатической ловкости.

Аятолла Рухолла Хомейни, лидер революции, сыграл решающую роль в формировании нового Ирана. Его видение, глубоко укоренившееся в исламском управлении и антезападных настроениях, существенно повлияло на внутреннюю и внешнюю политику Ирана. Его приверженность концепции «Велаят-е факих» (Опека исламских юристов) структурировала политическую структуру и внешнюю политику Ирана, продвигая подход, глубоко переплетенный с идеологическими убеждениями, особенно в его отношениях с западными странами и региональными альянсами³.

Под руководством Хомейни внешняя политика Ирана была отмечена попытками сбалансировать революционные идеалы государства с прагматическими потребностями. Например, во время ирано-иракской войны Иран, несмотря на наложенные Западом санкции и военные вызовы, сохранял свою идеологическую позицию против западного империализма, но прагматично приобретал товары первой необходимости и вооружение у незападных союзников.

«Я думаю, что в повествовании говорится, что Посланник Божий, когда его послали, тот великий сатана закричал и собрал вокруг себя чертей, и стало трудно работать. В этой революции великий сатана, США, криком собирает вокруг себя дьяволов. А США собрали детей сатаны в Иране и за рубежом и устроили переполох»⁴. Эта цитата показывает, что лидер исламской революции Ирана в то время твердо верил, что США ограничивают и не хотят независимого Ирана. В то время он и его администрация сделали антиимпериалистические действия главным направлением внешней политики и заключили союзы с группами и странами, придерживавшимися того же видения.

Идеология Хомейни оказала глубокое влияние на последующие администрации Ирана. Его принципы антиимпериализма, опоры на собственные силы и продвижения исламских ценностей оставались центральными темами во внешнеполитических решениях Ирана при таких президентах, как Рафсанджани, Хатами и

³ Tahai S. Imam Khomeini and the foundations of the foreign policy of the Islamic Republic of Iran // Foreign Relations Research Quarterly. – 2010. – Vol. 1, № 1. – P. 77–111.

⁴ Khomeini R. A speech to the employees of the Central Insurance of Iran (American conspiracies) // Imam's book. – 1979. – Vol. 10. – P. 1–6.

Ахмадинежад. Каждая администрация привносila свое уникальное сочетание идеологии и прагматизма, адаптируя внешнюю политику Ирана к меняющемуся глобальному контексту, одновременно сохраняя приверженность революционным ценностям⁵.

Например, во время президентства Рафсанджани Иран сосредоточил свое внимание на восстановлении и осторожно открыл для международных отношений, стремясь смягчить экономические проблемы, вызванные санкциями. Прагматичный подход Рафсанджани был направлен на то, чтобы сбалансировать революционную идеологию с практическими соображениями национальных интересов⁶. Эпоха президента Рафсанджани была поворотным этапом, характеризующимся сдвигом в сторону прагматизма. Его администрация сосредоточила усилия на восстановлении разрушенной войной экономики и нормализации отношений с соседними странами и Западом.

Срок полномочий Рафсанджани был отмечен значительными дипломатическими усилиями, включая нормализацию отношений со странами Персидского залива и попытки взаимодействия с западными державами. Президентство Рафсанджани ознаменовало переход от революционного рвения к более прагматичному и технократическому подходу к внешней политике. Этот период заложил основу для будущих дипломатических инициатив Ирана, но также выявил сложности балансирования революционных идеалов с практическими дипломатическими потребностями⁷.

Срок полномочий президента Хатами представлял собой значительный сдвиг в сторону дипломатического взаимодействия, в первую очередь благодаря его инициативе «Диалог между цивилизациями». Его администрация стремилась улучшить международный имидж Ирана и ослабить напряженность в отношениях с Западом, делая упор на культурный диалог и сотрудничество⁸. Президентство Хатами отличалось попыткой преодолеть разрыв с

⁵ Юртаев В. Иран и санкции: пределы саморазвития // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т. 60, № 5. – С. 26–29.

⁶ Niakooee S.A., Ejazee E. Foreign policy and economic development: Iran under Rafsanjani // Iranian review of foreign affairs. – 2014. – Vol. 5, № 3. – P. 179–200.

⁷ Ibid.

⁸ Khatami S.M. Dialogue among civilizations: Contexts and perspectives // UN Chronicle. – 2012. – Vol. 49, № 3. – P. 11–14.

Западом посредством культурного и дипломатического взаимодействия. Однако консервативные фракции внутри Ирана и скептицизм западных стран ограничили эффективность его усилий⁹.

Президентство Ахмадинежада ознаменовало возврат к более агрессивной и конфронтационной внешней политике. Его пребывание в должности характеризовалось вызывающей риторикой, особенно в отношении ядерной программы Ирана, что привело к эскалации напряженности в отношениях с Западом и жестким международным санкциям. Эпоха Ахмадинежада подтвердила идеологические принципы Ирана и усилила международную изоляцию и экономические трудности. Его пребывание в должности продемонстрировало проблемы балансирования национальной гордости и идеологических обязательств с практическими аспектами международных отношений¹⁰.

Период деятельности администрации президента Роухани ознаменовал собой стратегический сдвиг в сторону дипломатии и взаимодействия, в первую очередь благодаря соглашению СВПД. Несмотря на первоначальный успех в смягчении санкций и снижение напряженности вокруг ядерной программы Ирана, выход США из СВПД при президенте Трампе возобновил проблемы, подчеркнув хрупкость дипломатических достижений. Срок полномочий Роухани подчеркнул потенциал дипломатических прорывов и проблемы сохранения этих достижений в условиях меняющейся международной политики. Усилия его администрации высветили сохраняющиеся сложности Ирана в балансировании своих региональных амбиций с глобальным дипломатическим давлением¹¹.

Администрация президента Раиси унаследовала сложную международную ситуацию с продолжающимся санкционным давлением и geopolитической напряженностью. Внешняя политика Ирана при Раиси продолжает быть нацеленной на преодоление

⁹ Мамедова Н.М. Политико-экономический аспект диалога цивилизаций // Иран: диалог цивилизаций / под ред. Н.М. Мамедова, М. Санай. – Орехово-Зуево: Дом «Муравей», 2003. – С. 15–25.

¹⁰ Riki R. et al. Iran's counter-hegemony under the leadership of Mahmoud Ahmadinejad (2005–2009) towards US hegemony in West Asian region // UKM journal article repository. – 2013. – Vol. 5, № 2. – P. 17–34.

¹¹ Shanahan R. Iranian foreign policy under Rouhani // Lowy institute for international policy. – 2015. – P. 1–15.

этих сложностей, уделяя особое внимание реализации стратегических интересов и защите суверенитета Ирана. Президентство Раиси, чей срок полномочий продолжается, отражает сохранение взаимодействия между идеологическими принципами Ирана и прагматическими дипломатическими потребностями. Ожидается, что политика и стратегия администрации Раиси будут в дальнейшем определять региональную роль Ирана и его отношения с мировыми державами¹².

На протяжении всех этих периодов взаимодействие между идеологическими обязательствами и прагматическими соображениями было определяющей чертой внешней политики Ирана. Это динамичное взаимодействие отражает уникальный характер Ирана на мировой арене, поскольку он ориентируется в сложных геополитических ландшафтах, сохранив при этом свой революционный дух.

Дипломатические стратегии и идеологические обязательства. Взаимодействие с незападными странами

Стратегическая ориентация Ирана на незападные державы, особенно на Россию и Китай, была ключевым аспектом его дипломатической стратегии в ответ на западные санкции. Этот сдвиг был рассчитан на то, чтобы смягчить последствия санкций и уравновесить геополитическое влияние Запада.

Отношения Ирана и России, охватывающие военное, ядерное и энергетическое сотрудничество, стали краеугольным камнем внешней политики Ирана. Участие России в иранской ядерно-энергетической программе, особенно в строительстве и эксплуатации АЭС в Бушере, символизирует это партнерство. Это сотрудничество важно для Ирана как возможность нивелировать западное влияние и санкции¹³.

¹² Akbari R. Raisi, the Presidency and Iran's foreign policy // Iran primer. – 04.10.2021. – URL: <https://iranprimer.usip.org/blog/2021/oct/04/raisi-presidency-and-irans-foreign-policy> (дата обращения: 02.02.2024).

¹³ Sariolghalam M. Diagnosing Iran's emerging pivot toward Russia and China // Middle East Institute. – 01.06.2023. – URL: <https://www.mei.edu/publications/diagnosing-irans-emerging-pivot-toward-russia-and-china> (дата обращения: 03.02.2024).

Военный союз с Россией предоставляет Ирану мощного союзника, укрепляя региональные и глобальные позиции ИРИ. Это также указывает на растущие возможности Ирана в оборонном секторе, демонстрируя его способность влиять на ключевые геополитические конфликты. Экономическое и технологическое сотрудничество с Россией – это стратегический маневр Ирана с целью обойти западные санкции и диверсифицировать свои внешненеэкономические связи. Такой подход укрепляет экономику Ирана и расширяет его технологические возможности, поддерживая его статус ключевого игрока в региональной geopolитике.

Аналогичным образом отношения с Китаем, характеризующиеся акцентом на прагматические экономические интересы, предоставляет Ирану важный «спасательный круг» в области экономики, особенно в сфере торговли нефтью и инфраструктурных проектов. Китай является одним из крупнейших торговых партнеров Ирана, и экономические связи между Ираном и Китаем являются важнейшим компонентом стратегии Ирана по смягчению воздействия западных санкций¹⁴.

Экономическое партнерство с Китаем демонстрирует способность Ирана адаптироваться к международному давлению и находить альтернативные рынки сбыта энергоресурсов. Эта экономическая устойчивость является ключевой в стратегическом планировании Ирана, обеспечивает стабильность и рост экономики страны, несмотря на внешние вызовы. Помимо экономических связей, взаимодействие Ирана с Китаем распространяется на технологическое сотрудничество, которое включает в себя различные сектора, такие как телекоммуникации, инфраструктура и энергетика¹⁵. Технологическое сотрудничество с Китаем отражает стратегическое намерение Ирана модернизировать свою инфраструктуру и расширить свои технологические возможности. Это сотрудничество не только укрепляет экономическое положе-

¹⁴ Sariolghalam M. Diagnosing Iran's emerging pivot toward Russia and China // Middle East Institute. – 01.06.2023. – URL: <https://www.mei.edu/publications/diagnosing-irans-emerging-pivot-toward-russia-and-china> (дата обращения: 03.02.2024).

¹⁵ Yacoubian A. Iran's Increasing Reliance on China // Iran primer. – 01.08.2023. – URL: <https://iranprimer.usip.org/blog/2019/sep/11/irans-increasing-reliance-china> (дата обращения: 04.02.2024).

ние Ирана, но и способствует достижению его долгосрочных стратегических целей в регионе.

Иран стремился укрепить связи с другими незападными странами, особенно в Латинской Америке, Африке и Азии. Эти отношения развивались посредством экономических, политических и идеологических обязательств.

Взаимодействие Ирана с Латинской Америкой¹⁶ отражает его стратегию по расширению своего влияния и укреплению альянсов в регионе, традиционно находящемся под влиянием Соединенных Штатов. Этот шаг рассматривается как ответ на изоляцию, с которой столкнулся Иран после выхода США из ядерной сделки 2015 г. и возобновления экономических санкций. Иран сосредоточил свои усилия на построении стратегических отношений с ключевыми странами Латинской Америки, такими как Венесуэла, Никарагуа и Куба. Эти страны имеют идеологическое сходство с Ираном, особенно в их оппозиции политике США. Отношения с Венесуэлой особенно важны, поскольку они служат воротами для деловой активности Ирана в Латинской Америке и Карибском бассейне¹⁷.

Во время визита Раиси Иран и Венесуэла подписали множество двусторонних соглашений, касающихся энергетики, образования, сельского хозяйства и медицины, что демонстрирует приверженность Ирана укреплению двусторонних связей. Стратегия Ирана в Латинской Америке четко указывает на его глобальную дипломатическую программу, направленную на создание сети альянсов, которые могут обеспечить получение Ираном экономических дивидендов и уравновесить влияние США¹⁸.

Акцент на Венесуэле подчеркивает желание Ирана иметь стратегический плацдарм в регионе, используя общие идеологи-

¹⁶ Глухов И.Д. Эволюция внешнеполитического курса Ирана в Латинской Америке в контексте трансформации системы международных отношений // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 3 (3). – С. 77–96. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.03.05.

¹⁷ Moya Mena S.I. Regaining space: Iranian foreign policy toward Latin America during the first presidential term of Hassan Rouhani (2013–2017) // Contemporary gulf studies. – 2020. – Р. 157–176.

¹⁸ Solano L. Iran's Re-engagement with Latin America – Diálogo Américas // Diálogo Américas. – 29.11.2023. – URL: <https://dialogo-americas.com/articles/irans-re-engagement-with-latin-america/> (дата обращения: 03.02.2024).

ческие позиции против доминирования Запада. Дипломатическая деятельность Ирана в регионе выходит за рамки торгово-экономических соглашений. Она также включает в себя усилия по укреплению политической солидарности, о чем свидетельствуют выступления Раиси в Никарагуа и на Кубе, где он подчеркивал общие революционные корни и противодействие доминированию США¹⁹.

Расширение дипломатических связей со странами Латинской Америки демонстрирует более широкую цель Ирана по созданию коалиции незападных, антиимпериалистических государств. Эта стратегия призвана представить Иран как лидера движения против западной гегемонии, укрепив его позиции в глобальной geopolитике.

Взаимодействие Ирана с Африкой, особенно при администрациях Ахмадинежада и Раиси, было ключевым компонентом его внешней политики, направленной на расширение влияния и обход западных санкций. Во время президентства Ахмадинежада Иран принял стратегию сотрудничества Юг – Юг, инвестируя в развитие инфраструктуры, создавая компании и предоставляя кредиты в африканских странах²⁰. Этот подход был частью более широкой стратегии Ирана по противодействию доминированию Запада.

При администрации Раиси ожидается возрождение этой политики, отражающее сдвиг в сторону незападных приоритетов. Инвестиции и экономическая деятельность Ирана в Африке являются частью стратегического плана по получению политического и экономического влияния. Этот подход направлен на создание альтернативной сферы влияния, бросающей вызов традиционному западноцентричному мировому порядку²¹. Администрация Раиси, вероятно, активизирует усилия по укреплению отношений с Афри-

¹⁹ Solano L. Iran's Re-engagement with Latin America – Diálogo Américas // Diálogo Américas. – 29.11.2023. – URL: <https://dialogo-americas.com/articles/irans-re-engagement-with-latin-america/> (дата обращения: 03.02.2024).

²⁰ Siddiqui S. Iran's growing outreach to Africa // The New Arab. – 12.09.2022. – URL: <https://www.newarab.com/analysis/irans-growing-outreach-africa> (дата обращения: 04.02.2024).

²¹ Naeni A. Iran's renewed Africa policy: Raisi's ambition and the perception of Western decline // Middle East Institute. – 31.07.2023. – URL: <https://www.mei.edu/publications/irans-renewed-africa-policy-raisis-ambition-and-perception-western-decline> (дата обращения: 04.02.2024).

кой, проводя политику сопротивления давлению Запада. Следственно, можно ожидать расширения геополитического влияния Ирана за счет укрепления экономических, политических и культурных связей с африканскими странами.

Возобновление внимания к Африке при Раиси сигнализирует о намерении Ирана диверсифицировать свои внешние связи и уменьшить зависимость от западных стран. Эта стратегия также служит противодействию последствиям санкций и утверждению роли Ирана как значимого игрока в глобальной политике.

Стратегия ядерной программы Ирана

Ядерная программа Ирана была центральным аспектом его дипломатической стратегии, особенно в сложном ландшафте международных отношений. Подход Ирана к своей ядерной программе служит наглядным примером его более широкой дипломатической стратегии и идеологических обязательств.

Подход Ирана к сохранению стратегической двусмыслинности в отношении своей ядерной деятельности представлял собой сложную смесь дипломатии, тактического маневрирования и геополитической стратегии. Эта стратегическая двусмыслинность была важным инструментом переговоров, особенно во время ужесточения западных и международных санкций. Сохраняя неопределенность относительно масштабов и целей своей ядерной деятельности, Иран создал размеженную карту в переговорах с группой P5+1, часто вынуждая западные державы идти на уступки в обмен на большую прозрачность²².

Такой подход позволил Ирану вести переговоры с позиции силы. Это продемонстрировало способность Ирана сбалансировать две цели: продвижение своей ядерной программы и избежание прямой конфронтации с международным сообществом. Эту стратегическую двусмыслинность можно рассматривать как ответ на международное давление, отражающий глубокое понимание динамики сил внутри международной системы²³.

²² Zarif J., Salehi A., Araghchi A., Ravanchi M. The untold story of JCPOA. – Tehran: Etelaat, 2022. – Vol. 1.

²³ Zarif J., Salehi A., Araghchi A., Ravanchi M. The untold story of JCPOA. – Tehran: Etelaat, 2022. – Vol. 2.

Внутри страны мощная ядерная программа рассматривалась как символ национальной гордости и суверенитета. Однако извне Иран столкнулся со значительным давлением с целью ограничить свою ядерную деятельность. Стратегическая двусмысленность позволила Ирану умиротворить внутренние группировки, одновременно участвуя в международной дипломатии, чтобы смягчить санкции и избежать военной конфронтации.

Этот двойной подход демонстрирует способность Ирана балансировать между отстаиванием своих национальных интересов и конструктивным взаимодействием с международным сообществом. Этот подход отражает проблемы, с которыми сталкивается Иран, пытаясь сбалансировать свои региональные и глобальные интересы, – используя возможное наличие ядерного потенциала в качестве средства сдерживания региональных противников, Иран одновременно вынуждает великие державы вести с собой диалог, признавая таким образом роль Тегерана в региональной стабильности и международной безопасности.

Стратегическая двусмысленность Ирана имела серьезные последствия для глобальных усилий по нераспространению ядерного оружия. Это бросило вызов способности международного сообщества обеспечивать соблюдение норм нераспространения и поставило вопросы об эффективности санкций и дипломатии в борьбе с потенциальным распространением ядерного оружия. Хотя этот подход давал краткосрочные выгоды, его долгосрочная устойчивость была сомнительной²⁴. Постоянная двусмысленность и напряженность могут привести к усилению региональной нестабильности и потенциальному просчету или эскалации конфликтов. Использование Ираном стратегической двусмысленности в ходе ядерных переговоров представляло собой тонкий подход, который уравновешивал внутреннее и международное давление, обеспечивал рычаги на переговорах и позволял Ирану сохранять определенную степень контроля над своим дипломатическим взаимодействием с миром²⁵.

²⁴ Zarif J., Salehi A., Araghchi A., Ravanchi M. The untold story of JCPOA. – Tehran: Etelaat, 2022. – Vol. 5.

²⁵ Роман В. Влияние сделки по ядерной программе Ирана на расстановку сил в регионе Ближнего Востока: новый вызов внешней политике США // Управленческое консультирование. – 2016. – Т. 88, № 4. – С. 274–280.

Характер ядерной программы Ирана, характеризующийся стратегической двусмысленностью и тщательным балансированием между внутренним и международным давлением, отражает его более широкую дипломатическую стратегию и идеологические обязательства. Такой подход позволил Ирану отстаивать свои национальные интересы, одновременно преодолевая сложности международной дипломатии и санкций, демонстрируя свою устойчивость и стратегическую дальновидность перед лицом глобальных вызовов.

Влияние на ближневосточную политику

Влияние Ирана на ближневосточную политику, особенно после Исламской революции 1979 г., было значительным и многосторонним. Это влияние выходит за рамки ядерных амбиций Ирана и охватывает союзы Тегерана с различными региональными группами и государствами.

Стратегия Ирана на Ближнем Востоке предполагает создание и поддержку марионеточных сил, и союзы с агрессивными группировками по всему региону. Начиная с «Хизбаллы» в Ливане в 1980-х годах, Иран использовал силы «Кудс» Корпуса стражей исламской революции (КСИР) для укрепления своего влияния в различных странах. Эта стратегия оказалась особенно эффективной в Ливане, Ираке, Йемене и Сирии. Однако поддержка Ираном этих групп рассматривается многими членами международного сообщества как дестабилизирующий фактор в регионе²⁶.

Взаимодействие Ирана с негосударственными субъектами и его поддержка таких групп, как «Хизбалла» и хуситы в Йемене, демонстрируют его приверженность стратегии непрямого влияния. Такой подход позволяет Ирану отстаивать свои региональные интересы, сохраняя при этом возможность отрицания непосредственной вовлеченности.

Иран воспользовался региональной нестабильностью и слабостью государств для создания альянсов. В Ливане, Ираке и Йемене влияние Ирана выросло, поскольку эти страны столкну-

²⁶ Rafiei Vardanjani A. United States economic sanctions on Iran and their impacts on the Middle Eastern art market // Arts. – 2020. – Vol. 9, № 4. – P. 1–11.

лись с внутренними конфликтами и проблемами управления. Поддержка Ираном президента Асада в Сирии также была значительной, поскольку обе страны являются давними союзниками. Стратегия Ирана в этих регионах отражает его способность адаптироваться к меняющимся геополитическим ландшафтам. Иран расширил свое влияние на Ближнем Востоке, объединившись с правительствами и группами, которые разделяют его интересы или идеологию, часто заполняя вакуум власти, образовавшийся из-за нестабильной политической среды²⁷.

Влияние Ирана на ближневосточную политику выходит за рамки поддержки марионеточных сил и региональных конфликтов. Значительной частью его стратегии является восстановление и укрепление дипломатических отношений с соседними странами, направленное на региональную стабильность и экономическое сотрудничество.

Одним из ключевых аспектов региональной стратегии Ирана при администрации президента Раиси стало восстановление важнейших отношений с соседними странами. Этот сдвиг во внешней политике, выражаящийся в акценте в иранской дипломатии на отношениях с соседями, был в первую очередь вызван необходимостью уравновесить давление санкций²⁸.

Ярким примером этой стратегии является соглашение между Ираном и Саудовской Аравией о нормализации политических отношений. Это примирение знаменует собой значительный шаг на пути к региональной стабильности и демонстрирует приверженность Ирана разрешению конфликтов по дипломатическим каналам. Нормализация отношений с Саудовской Аравией, региональным соперником и ключевым игроком на Ближнем Востоке, потенциально может привести к расширению экономического сотрудничества между двумя странами и указывает на стратегический сдвиг во внешней политике Ирана в сторону региональной дипломатии и разрешения конфликтов. Иран стремится создать

²⁷ Tolouei H., Haghshenas M.J. Analysis of relations between I.R. Iran and Syria in the light of the theory of regional balance of power // Political Knowledge Scientific Journal (Bi-quarterly). – 2021. – Vol. 17, № 1. – P. 189–214.

²⁸ Ebrahim Raisi's foreign policy views // Peace diplomacy – 23.06.2021. – URL: <https://peacediplomacy.org/2021/06/23/foreign-policy-brief-ebrahim-raisis-foreign-policy-views/> (дата обращения: 05.02.2024).

более стабильную и основанную на сотрудничестве региональную среду, участвуя в диалоге с ключевым региональным противником. Этот шаг служит экономическим интересам Ирана и укрепляет его дипломатический авторитет в международном обществе, демонстрируя его приверженность дипломатическому разрешению конфликтов²⁹.

Помимо отношений с Саудовской Аравией, внешняя политика Ирана при Раиси характеризовалась усилиями по укреплению связей с другими странами-соседями – участие в экономической и культурной дипломатии, в диалогах по региональной безопасности и предложение посредничества в конфликтах. Более широкое взаимодействие Ирана со своими соседями отражает его стратегическую цель по созданию стабильной региональной среды, способствующей его интересам³⁰. Такой подход означает признание Ираном взаимосвязи региональной безопасности с его национальной безопасностью. Развивая отношения и партнерство с соседними странами, Иран стремится смягчить воздействие международных санкций и утвердить свою роль ключевого регионального игрока.

Нормализация отношений с соседними странами открывает новые экономические возможности для Ирана – это в том числе потенциал для увеличения торговли, инвестиций и сотрудничества в различных секторах, что будет способствовать экономической устойчивости Ирана перед лицом санкций. Экономическое измерение региональной дипломатии Ирана имеет решающее значение. Улучшение отношений с соседними странами может помочь Ирану получить доступ к новым рынкам и инвестиционным возможностям, имеющим решающее значение для его экономической стабильности и роста.

²⁹ Hungda F. The agreement between Iran and Saudi Arabia is a big step to strengthen peace and stability in the Middle East // IRNA. – 12.03.2023. – URL: <https://irna.ir/xjLXhv> (дата обращения: 05.02.2024).

³⁰ Ebrahim Raisi's foreign policy views // Peace diplomacy – 23.06.2021. – URL: <https://peacediplomacy.org/2021/06/23/foreign-policy-brief-ebrahim-raisis-foreign-policy-views/> (дата обращения: 05.02.2024).

Многосторонние взаимодействия

Участие Ирана в таких международных организациях, как Организация экономического сотрудничества (ОЭС) и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), отражает его стратегический поворот в сторону альтернативных региональных блоков. Участие Ирана в этих организациях является частью его стратегии по взаимодействию с региональными державами и укреплению сотрудничества в области экономики и безопасности.

Участие в ШОС, возглавляемой Китаем и Россией, и ОЭС, в которую входят несколько стран Центральной Азии и Ближнего Востока, позволяет Ирану усилить свое региональное влияние и создать противовес западным геополитическим стратегиям. Членство в этих организациях предоставляет Ирану платформу для экономического сотрудничества со странами – членами объединений, что включает в себя возможности в сфере торговли, энергетики, развития инфраструктуры и культурных обменов, которые имеют решающее значение для экономического роста и стабильности Ирана.

Активная роль Ирана в таких организациях, как ОЭС и ШОС, подчеркивает его приверженность развитию регионального партнерства. Эти альянсы играют важную роль в усилиях Ирана по смягчению последствий санкций и утверждению своей роли региональной державы. Участие Ирана в ОЭС и ШОС является стратегическим шагом, направленным на расширение его экономических связей и утверждение себя в качестве жизненно важного игрока в региональном экономическом развитии. Такой подход помогает Ирану обойти ограничения, налагаемые западными санкциями, и укрепить свою экономическую устойчивость³¹.

Недавнее приглашение Ирану присоединиться к БРИКС³² (экономическому блоку Бразилии, России, Индии, Китая и Южной Африки) знаменует собой стратегический сдвиг во внешней политике. Включение в БРИКС соответствует политике Ирана «Взгляд

³¹ Ranjbar D., Honrada G. Iran's membership in the Shanghai Cooperation Organization. A SWOT analysis // Asia and Africa Today. – 2023. – № 3. – Р. 30–36.

³² Iran officially becomes a member of BRICS // IRNA. – 24.08.2023. – URL: <https://en.irna.ir/news/85208993/Iran-officially-becomes-member-of-BRICS> (дата обращения: 20.08.2023).

на Восток» и представляет собой шаг к укреплению связей с развивающимися незападными экономиками.

Это членство рассматривается как политическая победа Тегерана, означающая его способность устанавливать отношения за пределами сфер влияния Запада. Членство Ирана в БРИКС могло бы помочь частично восстановить легитимность, утраченную из-за внутренних беспорядков и международной изоляции. Это также открывает потенциал для расширения торговли с растущими экономическими, особенно в контексте продолжающихся санкций США. Такое расширение торговых отношений, особенно в нефтяной сфере, могло бы в некоторой степени смягчить экономическое давление на Иран.

Включение Ирана в БРИКС можно рассматривать как часть более широких усилий таких стран, как Китай и Россия, по созданию противодействия западным экономическим блокам. Такое членство соответствует давней политике Ирана, направленной на противодействие американскому одностороннему подходу, и указывает на растущий глобальный сдвиг в сторону многополярности.

Членство Ирана в БРИКС указывает на его стратегию по диверсификации международных альянсов и созданию новых экономических возможностей. Это событие также является важным шагом в противовес экономическому и политическому влиянию Запада, демонстрируя устойчивость Ирана перед лицом международных санкций.

Стратегическое значение присоединения Ирана к БРИКС заключается в потенциальной реконфигурации глобальных экономических альянсов, при этом Иран позиционирует себя как ключевой игрок в этом новом ландшафте. Этот шаг может бросить вызов доминированию экономических институтов, возглавляемых Западом, и проложить путь к более многополярному мировому порядку.

* * *

Внешняя политика Ирана столкнется с рядом серьезных проблем в 2023–2024 гг. Одной из серьезных проблем является кризис в Афганистане, особенно в части подхода Талибана к женщинам, шиитам и их образовательным учреждениям. Отношения Ирана с Талибаном сложны, поскольку Тегерану необходимо

влиять на группу, не воспринимаясь при этом как ее сторонник, учитывая различную идеологию Талибана и Ирана. Кроме того, внимания во внешней политике Ирана требует направление усилий на разрешение региональных экологических кризисов. Для смягчения экологических проблем – «пылевого кризиса», засухи – Ирану необходимо сотрудничество с соседними странами.

Однако наиболее серьезной проблемой остается ядерный вопрос и возрождение Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД). Поскольку Иран находится под санкциями и сталкивается с экономическими трудностями, существует острая необходимость в стратегических действиях по отмене этих санкций. Балансирование международных отношений, а не чрезмерный уклон в сторону Востока или Запада, имеет решающее значение. Ключевую роль играют взаимодействие с мировыми державами и стратегические соглашения с Россией и Китаем. Тем не менее чрезмерная зависимость от любой из сторон может иметь негативные последствия, включая усиление международных санкций или отказ от обязательств со стороны этих держав.

Меняющийся глобальный ландшафт, характеризующийся растущей многополярностью и изменением динамики сил, представляет проблемы и возможности для Ирана. Осторожный подход США к избежанию внешних конфликтов, сосредоточенность Европы на самообороне, а также позиция России и Китая по отношению к Ирану создают контекст, в котором Тегеран может стратегически маневрировать своей внешней политикой. Однако любая переоценка политики Запада в отношении Ирана должна учитывать ограничения СВПД и изучать альтернативы, выходящие за эти рамки.

Внешняя политика Ирана с 1979 г. представляет собой сложное взаимодействие идеологических обязательств и прагматической адаптации в контексте быстро развивающегося многополярного мира и глобальной трансформации. Подход Ирана, ориентируясь на меняющийся geopolитический ландшафт, воплощает в себе двойную стратегию: приверженность революционным принципам и гибкое маневрирование среди международных сложностей. Эта дуалистическая политическая основа позволила Ирану утвердить свой суверенитет, одновременно конструктивно взаимодействуя с различными глобальными игроками.

Более того, стратегия Ирана отражает более широкую тенденцию поведения государств в международной системе, где идеологическая ориентация все больше пересекается с прагматическими геополитическими и экономическими интересами. Этот феномен подчеркивает динамичный и многогранный характер государственного управления в современном глобальном порядке, где пересматриваются традиционные дилеммы между идеологией и прагматизмом.

Список источников и литературы

1. Глухов И.Д. Эволюция внешнеполитического курса Ирана в Латинской Америке в контексте трансформации системы международных отношений // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 3 (3). – С. 77–96. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.03.05.
2. Мамедова Н.М. Политико-экономический аспект диалога цивилизаций // Иран: диалог цивилизаций / под ред. Н.М. Мамедова, М. Санай. – Орехово-Зуево: Дом «Муравей», 2003. – С. 15–25.
3. Роман В. Влияние сделки по ядерной программе Ирана на расстановку сил в регионе Ближнего Востока: новый вызов внешней политике США // Управленческое консультирование. – 2016. – Т. 88, № 4. – С. 274–280.
4. Юртаев В. Иран и санкции: пределы саморазвития // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т. 60, № 5. – С. 26–29. – DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-5-26-29.
5. Akbari R. Raisi, the Presidency and Iran's foreign policy // Iran primer. – 04.10.2021. – URL: <https://iranprimer.usip.org/blog/2021/oct/04/raisi-presidency-and-irans-foreign-policy> (дата обращения: 02.02.2024).
6. Bostdorff D.M. Idealism held hostage: Jimmy Carter's rhetoric on the crisis in Iran // Communication studies. – 1992. – Vol. 43, № 1. – P. 14–28.
7. Ebrahim Raisi's foreign policy views // Peace diplomacy – 23.06.2021. – URL: <https://peacediplomacy.org/2021/06/23/foreign-policy-brief-ebrahim-raisis-foreign-policy-views/> (дата обращения: 05.02.2024).
8. Hungda F. The agreement between Iran and Saudi Arabia is a big step to strengthen peace and stability in the Middle East // IRNA. – 12.03.2023. – URL: <https://irna.ir/xjLXhv> (дата обращения: 05.02.2024).

9. Iran officially becomes member of BRICS // IRNA. – 24.08.2023. – URL: <https://en.irna.ir/news/85208993/Iran-officially-becomes-member-of-BRICS> (дата обращения: 20.08.2023).
10. Khatami S.M. Dialogue among civilizations: Contexts and perspectives // UN Chronicle. – 2012. – Vol. 49, № 3. – P. 11–14.
11. Khomeini R. A speech to the employees of the Central Insurance of Iran (American conspiracies) // Imam's book. – 1979. – Vol. 10. – P. 1–6.
12. Milani M.M. Iran's Post-Cold War policy in the Persian Gulf // International journal. – 1994. – Vol. 49, № 2. – P. 328–354.
13. Moya Mena S.I. Regaining space: Iranian foreign policy toward Latin America during the first presidential term of Hassan Rouhani (2013–2017) // Contemporary gulf studies. – 2020. – P. 157–176.
14. Naeni A. Iran's renewed Africa policy: Raisi's ambition and the perception of Western decline // Middle East Institute. – 31.07.2023. – URL: <https://www.mei.edu/publications/irans-renewed-africa-policy-raisis-ambition-and-perception-western-decline> (дата обращения: 04.02.2024).
15. Niakooee S.A., Ejazee E. Foreign policy and economic development: Iran under Rafsanjani // Iranian review of foreign affairs. – 2014. – Vol. 5, № 3. – P. 179–200.
16. Rafiei Vardanjani A. United States economic sanctions on Iran and their impacts on the Middle Eastern art market // Arts. – 2020. – Vol. 9, № 4. – P. 1–11.
17. Ranjbar D., Honrada G. Iran's membership in the Shanghai Cooperation Organization. A SWOT analysis // Asia and Africa Today. – 2023. – № 3. – P. 30–36.
18. Riki R. et al. Iran's counter-hegemony under the leadership of Mahmoud Ahmadinejad (2005–2009) towards US hegemony in West Asian region // UKM journal article repository. – 2013. – Vol. 5, № 2. – P. 17–34.
19. Sariolghalam M. Diagnosing Iran's emerging pivot toward Russia and China // Middle East Institute. – 01.06.2023. – URL: <https://www.mei.edu/publications/diagnosing-irans-emerging-pivot-toward-russia-and-china> (дата обращения: 03.02.2024).
20. Shanahan R. Iranian foreign policy under Rouhani // Lowy institute for international policy. – 2015. – P. 1–15.
21. Siddiqui S. Iran's growing outreach to Africa // The New Arab. – 12.09.2022. – URL: <https://www.newarab.com/analysis/irans-growing-outreach-africa> (дата обращения: 04.02.2024).
22. Solano L. Iran's Re-engagement with Latin America – Diálogo Américas // Diálogo Américas. – 29.11.2023. – URL: <https://dialogo-americas.com/articles/irans-re-engagement-with-latin-america/> (дата обращения: 03.02.2024).

-
23. Tahai S. Imam Khomeini and the foundations of the foreign policy of the Islamic Republic of Iran // Foreign Relations Research Quarterly. – 2010. – Vol. 1, № 1. – P. 77–111.
 24. Tolouei H., Haghshenas M.J. Analysis of relations between I.R. Iran and Syria in the light of the theory of regional balance of power // Political Knowledge Scientific Journal (Bi-quarterly). – 2021. – Vol. 17, № 1. – P. 189–214.
 25. Yacoubian A. Iran's Increasing Reliance on China // Iran primer. – 01.08.2023. – URL: <https://iranprimer.usip.org/blog/2019/sep/11/irans-increasing-reliance-china> (дата обращения: 04.02.2024).
 26. Zarif J., Salehi A., Araghchi A., Ravanchi M. The untold story of JCPOA. – Tehran: Etelaat, 2022. – Vol. 1–6.